

A photograph of a weathered wooden post with a red ribbon tied around it, set against a misty, grassy field. The ribbon is bright red and frayed at the ends, hanging down and blowing slightly in the breeze. The background is a soft-focus landscape with tall grass and distant trees under a grey, overcast sky.

Красная лента

18+

Ева Ос

Красная лента

<https://litres.ru/74312854>

SelfPub; 2026

Аннотация

Город у стены. Граница с территорией оборотней — полкилометра ровного поля. Красные ленты на столбах предупреждают: дальше нельзя.

Но Эва приехала сюда не за приключениями. У неё командировка: оценить заброшенную станцию в заповеднике. Дождь, убогий отель и угрюмый егерь на ржавом УАЗике — не то, на что она рассчитывала.

А главное — она не была готова к тому, что случается за красной лентой.

Содержание

Глава 1. ПРИБЫТИЕ	4
Глава 2. СТАНЦИЯ	17
Глава 3. ВЗГЛЯД	28
Глава 4. ПОСТОЯЛЕЦ	45
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ева Ос

Красная лента

Глава 1. ПРИБЫТИЕ

Осторожно спускаясь с последней ступеньки поезда, я поёжилась от промозглого ветра и перехватила чемодан поудобнее. Стараясь не обращать внимания на суету вокруг, я направилась к зданию вокзала. Серая постройка выглядела так, будто её возводили ещё до войны, а потом просто о ней забыли. Вполне возможно, что так и было. Над главным входом висели старые механические часы — массивные, с потускневшим циферблатом. Посмотрев на них и сверив время, я вошла в здание. Внутри было на удивление пусто — только пара сонных пассажиров и уставшая уборщица.

Пройдя через здание вокзала, я вышла на улицу. Город, в который я прибыла, был местной достопримечательностью.

Он был окружён высокой каменной стеной и пользовался популярностью у туристов, приезжавших сюда из разных стран. По факту в нём не было ничего особенного. Просто старинный город с маленькими улочками и старинными домами. Единственное, что бросалось в глаза, — это стена. Высокая каменная стена с вышками и колючей проволокой.

Мы, люди, и не подозревали, что живём бок о бок с обо-

ротнями. Они были скрытными и избегали контактов. Но лет сто назад о них всё же узнали. Правительство решило, что они угроза, — и началась война. Но исход войны стал очевиден: оборотни были быстрее, сильнее, больше, с невероятной регенерацией и с ещё более невероятными когтями и клыками, что были острее любого лезвия. Однако оборотням не нужна была власть — им вообще не нужно было ничего людского. Они хотели только свою территорию, где могли бы жить спокойно, вдали от людей. Уничтожение цивилизации их не интересовало. У них было только одно условие: никто из людей не должен нарушать их границы.

Эта стена служила преградой скорее для людей, нежели защитой от оборотней. Между стеной и границей их территорий было всего с полкилометра — ровное поле, а дальше начинался лес. Этот город стал особенным из-за равнины, которая простиралась до самого леса. На стене построили смотровую площадку, там стояли монетные бинокли, и каждый желающий мог в них посмотреть. Понятно, что за деньги. Как говорится, хочешь смотреть — плати. Но это народ не останавливало, а наоборот — очереди к ним начинались ещё у лестницы. Территория оборотней начиналась вместе с лесом, границы её были отмечены вбитыми в землю столбами с красной лентой. Из-за густых деревьев увидеть и разглядеть что-то было невозможно, однако находились люди, которые утверждали, что видели там оборотней. Но всё это, конечно же, было враньё. Однако слухи расплзлись по окру-

ге, а после и вовсе приобрели масштабы, сделав этот город одной из достопримечательностей для туристов.

На самом же деле оборотни не выходили на контакт с людьми, и их уже не видели много лет. Последний контакт с ними был у правительства — эта встреча состоялась примерно шесть лет назад, когда на территорию оборотней смогла зайти делегация из пяти человек — конечно же по согласованию — и вернуться оттуда спустя несколько часов. И пусть та встреча носила гриф «секретно», люди строили догадки, а СМИ только подогревали их интерес. Были и предположения, что оборотней и вовсе нет. Находились смельчаки, которые решили пробраться на территорию и зафиксировать всё самостоятельно. Никто из них так и не вернулся обратно. Были случаи и среди браконьеров, что хотели устроить незаконную охоту в тех лесах: на утро тела тех браконьеров находили у границы. И чтобы не плодить такие примеры, правительство построило стену.

Хотя, как по мне, это всё нецелесообразная трата бюджета. Стена окружала только город. Граница с территорией оборотней была всего с полкилометра отсюда — ровное поле, а дальше начинался лес, но никаких заграждений на их территории не было. Оборотням не нужна ни стена, ни колючая проволока — они и так прекрасно знают свои границы. Но для особо «умных» людей вбиты в землю столбы с красной лентой. А если выйти за город и пройти к границе, то можно наткнуться на колючую проволоку — это уже

для особо настойчивых смельчаков. Заграждение там шло в несколько рядов, но отчаянные всё равно пробирались через него, — правда, такие случаи фиксировались реже. И, по моему мнению, о многих из них и вовсе умалчивали. Так что в этой стене не было необходимости, на мой взгляд, но должна признаться: туристы её полюбили.

Я прошла по узкой улочке вдоль домов и вышла на торговую площадь. Тут всё было завалено сувенирами. Я подошла и взяла один из них — плюшевого волка, больше похожего на Волка из известного детского мультика, чем на оборотня.

У оборотней было четыре известные людям формы. Первая — зверь. Вторая — боевая, нечто среднее между зверем и монстром. Третья, как говорят, самая распространённая для оборотней, — ближе к человеческой, только уши и хвост, возможно, ещё и когти. И последняя — человеческая, которую оборотни отвергали, как говорил наш профессор в универе. Изучение оборотней входило в общую программу и было обязательным для всех. Нам говорили, что они живут стаями, что стая — это не просто семья, это связь. Уж и не знаю, так это или нет. Ведь как можно изучать то, во что до конца не веришь?

И я относилась к этой программе скептически: если их никто не видел, как можно это утверждать? А ещё мне всегда было интересно: если у них есть и человеческая форма, то что мешает им ходить среди нас? Ведь как проверить — оборотень перед тобой или нет? Анализ крови мог бы показать,

но, согласитесь, не будешь же ты тащить каждого встречного в лабораторию, чтобы его там разобрали на анализы и вынесли вердикт.

Я положила игрушку на место, достала телефон и просмотрела сообщения. Мне нужно было попасть в отель, судя по карте, — он был в противоположной стороне. Я вздохнула: я опять задумалась и не сверила маршрут. Хотела бы я взять такси, но нужно было экономить. Командировочные были ограничены. Можно было бы и потратить свои, но опять же — это нецелесообразная трата кровно нажитых средств. Такси тут было не так много, а цены для любителей комфорта зашкаливали.

Меня направил сюда в командировку наш институт. Он располагался в средней части страны. Мы занимались прикладной биологией: агрономией, почвоведением, изучением флоры в экстремальных и изолированных экосистемах. В основном — устойчивость растений к антропогенному стрессу и мутационные изменения под влиянием длительной изоляции. Звучит скучновато, если честно. Но на деле это означало, что мы постоянно таскались по заповедникам, болотам и заброшенным станциям вроде той, куда меня сейчас занесло. У института было множество филиалов и станций. Одна из них располагалась здесь. Ну, не совсем в городе, конечно, а в заповеднике на границе с территорией оборотней. Но и назвать станцией маленькую бытовку, небольшой ангар и корявую вышку, которую не пощадило время... В любом случае,

станция так станция, на которой уже много лет никто не работал. Наше руководство хотело возобновить работы, и для этого мне, как члену комиссии и специалисту, необходимо было приехать на место и дать полную оценку. Я знала, что оборудование, если оно там и есть, вряд ли работает, а всё остальное... нужно было проверить. Я не должна была ехать одна. Но все почему-то решили, что у них работы больше, чем у меня, и я сама справлюсь. На территорию заповедника просто так не попасть — мне уже оформили пропуск и выделили егеря.

Ориентировочно командировка займёт неделю. Я сама поставила такие сроки. И не потому, что собираюсь всю неделю изучать грязь и ржавчину — где? В бытовке на два стула? А потому что давно не была в отпуске. Если они решили эксплуатировать меня и заставили делать работу всей комиссии, то и я без зазрения совести могу позволить себе несколько дней без напряжения и вдали от «любимого» начальства.

Кое-как разобравшись с маршрутом, я добралась до отеля. «Отель» — громко сказано. Обычная гостиница в два этажа старого дома, с обшарпанной вывеской и скрипучей лестницей.

Я пришла как раз вовремя — стоило войти внутрь, как начался дождь. Что ж, это было ожидаемо. Небо было серым, ветер холодным, а влажность ощущалась каждой клеткой. На ресепшене никого не было, да и в самом «отеле» бы-

ло немногочисленно. Хотя чему тут удивляться? На мне явно сэкономили, когда подбирали временную обитель... Я посмотрела по сторонам... да, обитель пыльных кроликов и пауков.

Но долго любоваться ими мне не дали. Из-за крохотной двери в углу, которую я не заметила из-за старинного покосившегося шкафа, просочилось нечто. И мне бы в пору испугаться и закричать, но тут «нечто» сняло тёмный капюшон, отложило в сторону тяпку и грабли и преобразилось в пышногрудую женщину средних лет. Увидев меня, она расплылась в улыбке — ну да, наверное, я первый и единственный постоялец.

— Вам комнату?

Я бы и хотела сказать, что нет. Что комната мне не нужна. Но какой у меня выбор? На улице льёт дождь, и я уже изрядно устала таскать чемодан.

— У меня бронь, — пришлось мне сознаться.

Долго на ресепшене меня не мучали. Всё заранее было готово. Единственное, предупредили, что завтрак ровно в семь утра и, если мне что-то надо, могу приобрести за отдельную плату. Мне, конечно, нужно было, но не то, что она могла предложить. Вряд ли она за отдельную плату согласится позвонить моему начальству и высказать всё, что я думаю про её отель. Ещё мне нужно было в отпуск, желательно в тёплые страны, но и это я могу сделать без посредников — ну, хотя бы не через неё. А ничего другого мне и не нужно было.

Так что номер, то есть комнату, ну или... комнатку, мне выделили быстро. Она оказалась маленькой, с окном во двор. Что порадовало — так это чистая кровать и горячая батарея. Обычно батареи отключают, аргументируя тем, что тепло. А то, что то холодные ветра, то проливной дождь идёт, — никого не волнует. Так что хоть этим я была довольна.

Я бросила чемодан у двери, села на подоконник и просто смотрела в окно. Серое небо, мокрые крыши, где-то внизу снуют редкие прохожие — сплошные купола зонтов. Мне бы хотелось выключить голову хоть на час, а может, и больше. Дорога меня сильно измотала.

Я не стала долго засиживаться. Проверила телефон, приняла душ и легла спать. Завтра будет тяжёлый день, и я это прекрасно знала.

Проснувшись я оттого, что кто-то настойчиво долбил в дверь. Спросонья я не сразу поняла, где нахожусь. Потом вспомнила: серый город, стена, оборотни, дешёвый отель. И этот долбёж.

— Завтрак через пять минут! — раздался приглушённый голос пышногрудой женщины. — Не опаздывайте!

Я вздохнула, натянула первое попавшееся и вышла в коридор.

Завтрак подавали в той самой комнате, где вчера из-за шкафа вылезло «нечто». Сейчас там стоял круглый стол, на котором красовалась початая пачка масла, хлебница с двумя кусками чёрствого хлеба и чайник с заваркой такой крепо-

сти, что в неё можно было ложку воткнуть.

Я придиричиво изучила сии подношения, обдумала варианты с отравлением из-за масла, сломанным зубом от хлеба и возможным хмельным состоянием после чефира — и от еды отказалась. Было видно, как женщина скривилась. Наверняка думала о зажратости жителей больших городов. Но кривиться в данной ситуации нужно было мне, а не ей. Однако я, как воспитанный человек, этого не сделала, аргументировав тем, что я утром не ем. И если бы не предательское урчание желудка, она бы мне даже поверила. Пришлось приврать про проблемы с желудком. Женщина отреагировала уже более мягко: покачала головой, поохала, предложила кашу. А я решила, что пора отсюда бежать, пока ещё могу, — потому что после отравления у меня это вряд ли получится.

Так что я сделала лицо аля кирпич обыкновенный и, поблагодарив за такой «великолепный» завтрак — мною не съеденный, но очень «аппетитный», — ретировалась обратно в комнату собираться.

Купить поесть я, наверное, смогу и в городе, хотя по времени вряд ли успею. Мне нужно было добраться до администрации заповедника, где меня должны встретить — как я предполагала, егерь или проводник, но это не точно.

Администрация заповедника оказалась серым двухэтажным зданием без опознавательных знаков, если не считать знак покосившейся ели и предупреждение о том, что вход на территорию заповедника только по пропускам, а оформить

пропуск можно через три инстанции, две подписи и одно заявление, написанное от руки. Конечно, текст был несколько иной, но суть я поняла именно так.

Я толкнула скрипучую дверь и зашла внутрь.

Внутри пахло пылью, плесенью, старыми бумагами и чем-то казённо-скучным.

Конечно же, за дверью меня не ждал никто из работников, зато ждал квест — судя по количеству дверей и коридоров. Хорошо, что со мной в этот момент была моя интуиция, которая так редко меня посещает, а потому нужно было ею воспользоваться. Я решила действовать: толкнула красную деревянную дверь, где было больше всего объявлений и предупреждений. Ведь не зря же они висят.

Видимо, я попала в точку — ну, точнее, в нужную дверь. Судя по недовольному женскому лицу и фразе:

— Документы все есть?

Так и хотелось задать ей встречный вопрос из серии: «А у вас?» — и ещё спросить про прививки, а может, попросить справку показать... И сделать это с той же интонацией. Но я сдержалась.

— Я из Института.

Женщина на мгновение замерла, потом её лицо слегка смягчилось — насколько вообще может смягчиться лицо человека, который полжизни просидел в казённом помещении.

— А, из Института, — протянула она, как будто вспоминая, кто это такие и зачем они нужны. — Вас уже ждут.

Идите прямо по коридору, потом налево, потом направо, потом... в общем, третья дверь направо. Не ошибётесь.

Я мысленно прикинула маршрут и поняла, что без навигатора мне не обойтись — на память свою я уже особо не рассчитывала. Какое лево и какое право должно идти после прямо, я благополучно забыла, но решила не переспрашивать: вдруг она добавит ещё пару поворотов из вредности, и мне придётся тут бродить до тех пор, пока моё начальство не забьёт тревогу и не отправит поисковую команду, что вряд ли.

Видимо, моя мозговая активность предательски отразилась на лице, и женщина всё же добавила, что мне нужно искать синюю дверь.

Я нашла три синих запертых двери, две голубых, и взгляд мой упал на зелёную. Стоит ли мне говорить, что нужная дверь оказалась серой?

Я толкнула её и вошла. За столом сидел мужчина. Лет сорока, коренастый, в потёртой куртке и резиновых сапогах. На плече — выдавший, по всей видимости, лучшие годы хозяина рюкзак.

— Вы егерь? — спросила я, заходя в кабинет. Вообще сначала я хотела спросить, не проводник ли он, но побоялась: если он ответит «да», то такой проводник в лучшем случае мог провести в загробный мир, а в худшем... думать о худшем варианте не хотелось.

— Он самый, — мужчина поднялся, глянул на наручные

часы и добавил укоризненно: — Вы опоздали.

Ну, оправдываться я не стала, смысла не видела, да и понимала, что так он хочет подчеркнуть свою важность и так далее. А потому я просто извинилась за опоздание, чувствуя себя школьницей в пятом классе. Почему в пятом? Ну, потому что тогда я уже ходила в школу без родителей и опаздывать умудрялась по разным причинам, а все из них, что я честно озвучивала учителю, казались ей неправдоподобными. Ну действительно, кто ж может три раза возвращаться домой и переодеваться, потому что поскользнулся и упал на одной и той же луже? Ну кто ж ещё — не будем показывать на себя пальцем. Но сейчас не о моём детстве, а о том, что мне всё же нужно было попасть на станцию, а потому я добавила:

— Прошу прощения. Больше не задержимся.

Так я старалась намекнуть, что отчитывать он меня, конечно, может, я всё равно проигнорию, но время всё же поджимает, и задерживаться нельзя.

Мужчина хмыкнул, ничего не ответил и направился к выходу. Я поспешила за ним.

У крыльца нас ждал старенький УАЗик — ржавый и грязный. Я снова порадовалась, что не поела, уже мысленно представляя предстоящую тряску и утрамбовку всех органов в своём теле. Егерь молча забрался на водительское сиденье и выжидательно уставился на меня. Честно, я бы и пешком в дождь пошла, чем на этом ехать, но это нечестно, а потому я

всё же села на пассажирское сиденье, не без труда захлопнув за собой дверь.

— Далеко нам ехать? — спросила я.

— Около часа, — буркнул он, заводя двигатель.

Я попыталась скрыть свою «радость», которая так и норовила выползти из меня в виде непечатных эпитетов и пожелания нашей комиссии безграничных мук, но реальность такова, что ощутить все эти муки сейчас предстояло мне и моему сидалешщному нерву.

Машина тронулась. Мы выехали за город, и я снова увидела стену. С этой стороны она выглядела ещё более мрачной.

— Меня, кстати, Савельичем звать, — сказал он, не поворачивая головы. — А вас как?

— Эва, — ответила я.

Он кивнул и замолчал.

Глава 2. СТАНЦИЯ

Ехали мы молча. Мой угрюмый спутник — он же по совместительству повелитель дьявольской повозки — молчал всю дорогу, а я просто напросто боялась открыть рот и выплеснуть из себя все свои органы, тем самым показывая, какая я замечательная не только снаружи, но и внутри. Фраза «извергать желчь» дошла до меня только сейчас, во всех её смыслах.

Савельич не соврал: до заповедника мы ехали час. По дороге. А вот в самом заповеднике наличия такой роскоши, то есть дороги, уже не предполагалось, так что протрясло меня так, словно неумелый бармен в шейкере.

Когда впереди показалась скрюченная вышка, адский агрегат пыток остановился.

— Приехали, — сообщил Савельич.

Выбралась я из УАЗика не без труда, а с лёгкостью, присущей мне на тот момент грацией мешка картошки, а по простому — вывалилась.

Егерь же, судя по его виду, никаких неудобств не испытал, а на моё состояние и глаз не косил. Мне даже показалось, что ему это всё в радость. Я не стала заострять на этом внимания — мой взгляд был прикован к картине, представшей прямо предо мной.

Такая картина могла бы порадовать ценителей мрачных

пейзажей, коим я не являлась. Место напоминало площадку для съёмок фильмов-постапокалипсиса или антиутопии, кому что больше нравится. Мне же не нравилось от слова совсем.

Я огляделась. Высокая трава, из которой торчала крыша покосившейся бытовки. Ангар, к которому проход нужно было ещё найти. И вышка, накренившаяся так, что, казалось, нарушала все законы гравитации.

— Ну что, — Савельич кинул на меня короткий взгляд, — насмотрелись? Или будем дальше любоваться?

Я промолчала. Он уже направился к бытовке, не дожидаясь ответа. Трава доходила почти до пояса, мокрая, холодная — джинсы промокли мгновенно.

Бытовка оказалась даже хуже, чем я предполагала. Дверь висела на одной петле, окно заколочено досками, крыша кое-где просела. Савельич толкнул дверь — та жалобно скрипнула и накренилась.

Я шагнула внутрь и тут же пожалела. Пахло сыростью, прелым матрасом и чем-то сладковато-гнилостным.

Посередине комнаты стоял стол, заваленный какими-то бумагами — пожелтевшими, размокшими, нечитаемыми. Рядом — шаткий стул, на который лучше было не садиться, если не хочешь оказаться на полу.

У стены — железная кровать с панцирной сеткой. На ней ветхий, сырой матрас весь в тёмных пятнах. Рядом с кроватью — фанерный шкаф без одной дверцы. В углу — старая

печка-буржуйка, вся в ржавчине. Напротив — холодильник «Зил» как завершающий аккорд сего не дизайнерского «интерьера». Дверца холодильника была закрыта, и я не собиралась её открывать. Пусть тайна этого холодильника лучше откроется другим... Мне же не хотелось испытывать свои нервы, да и нюх на прочность и устойчивость к такого рода испытаниям.

Всё здесь выглядело так, будто люди ушли в один день и больше никогда не возвращались.

А теперь сюда приехала я и всё это должна изучать...

— Ну как? — раздался сзади голос Савельича.

Я обернулась. Я бы и хотела ответить честно, что всё это надо сжигать, а не изучать, но говорить такое зрителю, ну или хранителю леса, я не стала. А потому ответила просто:

— Бардак.

Он хмыкнул.

— Ангар смотреть будете?

Я очень хотела отказаться от такого рода предложения, но выбора у меня не было. Я обречённо кивнула, и мы вышли на улицу.

Мы подошли к ангару. Он выглядел не лучше бытовки: стены из ржавого профнастила, крыша кое-где провалилась, а огромные металлические ворота уходили нижним краем прямо в землю — за годы они просели настолько, что казались частью этого мрачного места.

Савельич подёргал ручку, повозился с замком.

— Бесполезно, — сказал он. — Замок не поддаётся, да и ворота, похоже, никто не открывал лет десять.

Проверять его слова я не стала, поверила на слово.

— И как теперь оборудование смотреть? — спросила я.

Савельич почесал макушку и задумчиво осмотрел замок.

— У меня в сторожке есть лом и лопата.

«Опасный мужик», — подумала я. А ещё сюжет из постапокалипсиса мог превратиться в малобюджетный фильм ужасов со мной в главной роли. Я отогнала эти мысли и посмотрела на егеря.

— А далеко ваша... — так и хотелось сказать «избушка», но я сдержалась. — ...сторожка? — задала я вопрос, мысленно прикидывая, сколько мне нужно будет трястись туда и обратно в его вездеходном корыте.

— Километра два, — ответил он, пожав плечами. — Дорога, сам знаю, не фонтан. Но я быстро. Ты пока тут осмотришься, бумажки там какие полистай. Может, что полезное найдёшь.

Я скептически оглянулась на бытовку. «Полезное» в этой помойной яме? Вряд ли.

— А если я не хочу здесь одна оставаться? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Савельич хмыкнул.

— Боишься? — в его тоне не было насмешки, скорее констатация факта.

— Боюсь, — не стала отрицать я.

— Да ты не бойся. Тут дикие звери не ходят.

Я хотела задать логичный вопрос «Почему?», но мужчина меня опередил и указал на столб, что я ранее не заметила из-за того, что тот просто слился с пейзажем. Столб я узнала сразу. На нём висела красная лента, немного потрёпанная временем и погодой, но всё же её цвет от этого не исчез.

Осознание данной ситуации и новой реальности словно лавина обрушилась на меня и накрыла с головой. Теперь не бояться я не могла.

— А чего тебе бояться? — спросил Савельич, заметив мой взгляд. — Ты-то по эту сторону.

Он кивнул в сторону леса.

— А они по ту.

Звучало это, конечно, логично, но как-то сомнительно. Хотя и немного, но это успокаивало. Всё же говорили, что оборотни живут на своей территории, да и не было замечено, чтобы они её нарушали.

Пока я мысленно рассуждала о том, насколько тут было опасно и что это необходимо занести в акт, Савельич уже забрался в УАЗик.

— Едешь? — спросил он.

Я сделала пару шагов в сторону гремящей машины и почувствовала, как скрутило живот — то ли от голода, то ли от мыслей о предстоящей «весёлой» скачке по лесу. Но я поняла, что лишние километры на «этом» для меня станут не то что испытанием, а пыткой.

— Тут правда не опасно? — решила всё же уточнить я. Савельич как-то странно на меня посмотрел, но кивнул. — Главное — за столб не заходи, — добавил он.

И на мой взгляд, это он как раз мог и не добавлять. Желания соваться по ту сторону у меня не было.

— Тогда я останусь, несколько фото для отчёта сделаю.

Савельич кивнул, даже не глядя в мою сторону, и захлопнул дверь. УАЗик чихнул, завёлся и, подпрыгнув на кочке, скрылся за деревьями.

Я осталась одна. Среди ржавых стен, высокой травы, молчаливого леса и красной ленты совсем рядом. Антураж, конечно, тот ещё...

Я решила не давать волю своей фантазии и заняться делом. В конце концов, чем быстрее я тут закончу, тем быстрее отсюда уберусь. А если получится вскрыть ангар, то ноги моей здесь больше никогда не будет.

Я достала телефон. Сделала снимок территории, засняла бытовку, ангар, вышку, проверила — всё ли попало в кадр, и осталась довольна. Под конец всё же решила сделать фото столба с лентой, чтобы начальство понимало, что работать здесь нельзя. Хотя окончательное решение, конечно, за ними, но в отчёте я собиралась отразить все возможные опасности и риски.

Я навела объектив и попыталась приблизить — выглядело размыто и непонятно. Ну такой уж у меня телефон, что тут поделать. Пришлось подойти ближе, но дистанцию я соблю-

дала. Навела объектив, поменяла настройки и снова нажала — щелчок камеры прозвучал как-то слишком громко.

И в тот же миг кусты рядом со столбом зашевелились.

Я замерла, не в силах пошевелиться. Сердце ухнуло куда-то вниз, а телефон так и остался в вытянутой руке.

Кусты тоже замерли. Ни звука, ни движения.

— Показалось, — тщетно старалась успокоить себя я.

Осторожно убрав телефон, я сделала несколько шагов назад, к бытовке, не сводя глаз с кустов. Фото для отчёта точно хватит, а хватит ли кто-нибудь меня — вот это вопрос...

Шаг за шагом, медленно и плавно, я отдалялась от столба и надеялась, что пока я так пячусь задом, за моей спиной не появилось что-то, о чём мне лучше не знать.

Лес молчал. Красная лента висела неподвижно.

Отойдя на более-менее приличное расстояние — ну, как мне показалось, — я повернулась и со всех ног бросилась к покосившейся бытовке. И только когда добралась и прижалась спиной к ржавому профнастилу, позволила себе выдохнуть и отдышаться.

Мне казалось, что кто-то смотрит на меня из самого леса. Я чувствовала этот взгляд. Он словно обжигал, и каждая клетка моего тела кричала об опасности. Я не знала, что делать, куда бежать и прятаться. В голове промелькнула мысль забежать во внутрь этого сомнительной надёжности строения и залезть под кровать, но тут уж я не знала, что будет для меня в итоге хуже: уделаться в отходах прошлой челове-

ческой жизнедеятельности и в том, что природа добавила за эти годы, или встретиться с тем, кто смотрит на меня сейчас. Ни один из вариантов мне не подходил.

Я бросила полный надежды взгляд на дорогу, туда, куда уехал Савельич, и молилась всем богам, в которых не верила, чтобы он вернулся как можно скорее.

Уж и не знаю, кто или что услышало мои молитвы, но из-за деревьев показался знакомый мне УАЗ.

Никогда ещё я не была так рада видеть это чудо инженерной техники. И неважно, что видела его только второй раз в своей пока ещё не короткой жизни. Машина подпрыгнула на кочке, чихнула и остановилась рядом.

Из окна высунулся Савельич.

— Живая? — спросил он, оглядывая меня с ног до головы.

— Пока да, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но думаю, он всё же заметил нервозность и страх в моих глазах.

— Случилось что? — спросил мужчина, внимательно рассматривая моё лицо.

Я не стала вдаваться в подробности, тем более что с его появлением тот взгляд, который я до этого ощущала, пропал.

— Место тут... — я неопределённо обвела руками территорию, на что мужик понимающе кивнул.

— Место тут и правда беспокойное.

Ну, насчёт беспокойного я бы, может, и поспорила. Так-то

всё тут было спокойно, даже слишком спокойно. И утащить в лес меня тоже могли спокойно, как и сожрать... Но я не стала развивать этот разговор — мне очень хотелось убраться отсюда как можно дальше, но увы — сначала работа.

— Привезли лопату? — спросила я с надеждой, заглядывая в его глаза, но мужчина меня не обрадовал.

— Нет. Лома нет, как и лопаты. Растащили.

Кто растащил и зачем, я спрашивать не стала. Мне не хотелось этого знать.

— И что теперь? — спросила я, чувствуя, как разочарование смешивается с усталостью.

Савельич пожал плечами.

— А у тебя есть другие предложения? — спросил он.

Я посмотрела на массивные ворота, на замок, который, казалось, врос в металл, и вздохнула.

— Нет, — ответила я, понимая, что ещё не дошла до той стадии, чтобы рыть землю руками...

Савельич посмотрел на небо. Что он там разглядывал, я так и не поняла — обычное серое небо.

— Погода портится. Давай сворачиваться. Завтра приедем с нормальным инструментом и вскроем.

Я чуть не расплакалась. Ехать сюда ещё и завтра, снова испытав на себе все прелести дороги и находиться вблизи с этим жутким местом, мне категорически не хотелось. И я уже всерьёз задумалась, чтобы составить отчёт без этого ангара, который, по всем признакам, мог стать моим личным

проклятьем. Но, опять же, я сюда не на отдых приехала, да и фото из ангара мне быгодились. Так что, не имея весомых аргументов против и ввиду отсутствия орудий труда, я согласилась. Пришлось.

Савельич завёл двигатель. Я забралась в машину, стараясь не смотреть в сторону леса.

УАЗик завёлся с третьего раза. Думаю, помогло «волшебное» словцо Савельича и мой мысленный посыл нецензурной брани, направленной в чертоги вселенной. Мы покатили обратно, хотя «покатили» — это мягко сказано. Я чувствовала себя лягушкой в банке в руках трёхлетнего ребёнка, который ради собственного счастья решил, что если эту злосчастную банку потрясти, то тому, кто в ней сидит, станет весело и он запрыгает.

Я вцепилась в сиденье, готовясь к привычным сотрясениям и жалобным стенаниям своего организма, но почему-то сейчас ничего из ожидаемого со мной не произошло. Видимо, тревога, страх и напряжение были сильнее. И мысли мои были далеки от этой адской тряски — мне хотелось ехать ещё быстрее, лишь бы как можно дальше.

Дорога назад заняла столько же времени, сколько и туда. Мы молчали. Да и о чём нам с ним говорить? О природе? О погоде? О птичках?

Когда вдали показался город, я наконец выдохнула.

Мужчина хотел подвезти меня к отелю, но я попросила высадить на площади, где есть хоть какая-нибудь захудалая

столовка. Честно, я не рассчитывала на нормальное кафе, а потому уже сразу мысленно снизила ожидаемые стандарты. И ещё мне очень хотелось пройтись. Хотелось услышать звуки чужих голосов — тишина мне уже порядком осточертела, и мне нужны были люди. Желательно много людей и громче.

Мужчина остановил УАЗик у края площади. Я вылезла, чуть не подвернув ногу, и захлопнула дверь.

Глава 3. ВЗГЛЯД

Ночью мне не спалось. Тревога висела в воздухе, как наэлектризованное облако перед грозой — тяжёлое, давящее, готовое вот-вот разрядиться, словно сейчас шарахнет молнией, но всё никак. Стоило лишь прикрыть глаза — и я тут же распахивала их снова, будто кто-то настойчиво шептал: «Не смей. Не засыпай».

Мой мозг, словно старый параноик, явно был настроен против меня. Он не просто будил — он дёргал за невидимые нити, пинал, пускал колючий разряд вдоль позвоночника, не давая расслабиться и уснуть.

Я лежала на спине, глядя в потолок. За последние часы гостиничный номер стал мне знаком до последней трещины на штукатурке. Он превратился в душный капкан. Тени от фонарей ползали по стенам, как живые. Отель скрипел, дышал, перешёптывался — по крайней мере, мне так казалось.

Я встала, сдаваясь и признавая поражение. Подошла к окну и села на подоконник, прижавшись спиной к холодному стеклу.

За окном простиралась узкая улочка, кое-где подсвеченная тусклым светом фонарей. Напротив гостиницы один из них, видимо, перегорел. Но даже если бы он работал, толку от него было бы мало. Ночь выдалась настолько беспросветной, что всё вокруг утонуло в густой, почти осязаемой тем-

ноте. Окна в домах напротив давно погасли — ни прохожих, ни машин. Город крепко спал.

Я подняла глаза к небу. Луна то и дело выглядывала из-за тяжёлых туч, но лишь на мгновение — словно боялась задержаться надолго. «Вот уж никогда не думала, что буду сидеть в какой-то захудалой гостинице на подоконнике и смотреть на луну, — мелькнула мысль. — Но вот она я».

Я уже почти успокоилась и собиралась вернуться в кровать, как вдруг моё внимание привлекло едва уловимое движение. Сначала я не поняла, что это: может, бродячая кошка, а может, просто игра моего уставшего, воспалённого мозга, который не знал покоя и подогревал моё и без того разыгравшееся воображение. Мой взгляд скользнул по тёмным углам улицы, но ничего подозрительного не обнаружил.

«Паранойя», — подумала я и уже собралась слезть с подоконника.

Но тут я заметила силуэт.

Мужчина? Я не могла разобрать, кому он принадлежит. Он стоял в самом дальнем углу переулка — там, куда не доставал свет. Высокий, закутанный во что-то тёмное, в капюшоне — лицо я не смогла разглядеть. Но глаза. Его глаза я видела отчётливо — даже отсюда, сквозь стекло и тьму. Золотые. Светящиеся.

Я замерла. Сердце ухнуло куда-то вниз, а ужас словно тисками сжал горло. Я не могла пошевелиться и не могла отвести взгляд. Он смотрел прямо на меня — пристально, тяже-

ло и не мигая.

Сколько времени прошло — секунда, две или куда больше, — я не знала. Он не двигался, просто смотрел. И в какой-то момент мне показалось, что это всего лишь сон, что я наконец заснула. Но реальность вернула меня обратно: за дверью что-то с грохотом упало, и, судя по тому, что это «что-то» громкогласным женским голосом непечатно ругалось на нерадивость «мастеров не на те руки», что не могут нормально починить паркет, это была хозяйка.

Я лишь на мгновение повернула голову, отвлекаясь на звук. А когда снова посмотрела в окно — силуэт уже исчез.

За всю ночь я так и не смогла сомкнуть глаз. Я не могла понять: привиделся ли мне тот силуэт или это было на самом деле. Только под утро провалилась в долгожданную темноту — но и это было ненадолго. Резкий звон будильника, сопровождаемый настойчивой долбёжкой в дверь, вернул меня в эту суровую реальность, от которой я так мечтала сбежать.

— Завтрак! — донёсся из-за двери голос хозяйки, слишком бодрый для такого раннего часа.

Завтрак. Ну да.

Я потёрла усталые, красные глаза, пытаюсь хоть немного прийти в себя, и вздохнула. Нужно спускаться вниз. Новый день начался.

Я уже приготовилась к очередным «изыскам» местной кухни, но накрытый стол меня приятно удивил. Свежий хлеб, масло и даже сыр, которого вчера не наблюдалось. И

кофе — не какая-то кислая бурда, а нормальный, ароматный, дымился в фарфоровой чашке. Я честно не знала, что именно меня удивило больше: фарфоровая посуда или наличие самого кофе.

Я не могла понять, что же всё-таки изменилось со вчерашнего дня. Может, вчера было что-то вроде приветственного испытания на прочность? Или у хозяйки случился редкий приступ гостеприимства после ночного падения?

На мой мысленный и так и не заданный вопрос женщина ответила сама:

— У нас новый постоялец.

И расплылась в такой хищно торжественной улыбке, что даже акула бы позавидовала или Чеширский кот — кто из всех трёх улыбается шире, я так и не решила.

— А где он? — спросила я, не то чтобы меня это и вправду интересовало, просто в голове мелькнула мысль, что заселение обычно происходит после двенадцати, но, видимо, из-за свободных комнат — или попросту отсутствия кого-то, кроме меня — на это закрыли глаза.

— Уже ушёл, — с ноткой сожаления в голосе ответила хозяйка, и мне показалось, что она была этому совсем не рада.

Я осмотрела стол. Тарелки, чашки, ложки — не абы как, а аккуратно расставлены. Даже салфетки лежали. Явно старалась. Не для меня, конечно. Для того, кто уже ушёл.

Ну, меня этот новый постоялец не интересовал — не мне же он будет деньги платить. А потому я решила выкинуть его

из головы, которая у меня и без лишней информации звенела словно колокол и раскалывалась на обе части, и решительно приступила к завтраку.

День начинался значительно лучше, чем вчера. Может, это знак, что мне сегодня повезёт и с ангаром. Или хотя бы мне не придётся оттуда убегать.

Завтрак был съеден, кофе выпит, а хозяйка ушла на кухню, гремя оттуда посудой. Я поднялась в номер, быстро собралась и вышла на улицу.

Свежий воздух ударил в голову, прогоняя остатки бессонной ночи. Город просыпался — редкие прохожие, открывающиеся ставни, запах свежей выпечки из ближайшей пекарни. Туристов пока не было, и это радовало.

У здания администрации заповедника меня уже ждал УА-Зик. Савельич сидел за рулём, задумчиво глядя в лобовое стекло. Увидев меня, он молча кивнул.

— Выспались? — спросил он без особого интереса, когда я подошла ближе.

— Не совсем, — ответила я. И судя по тому, как мужчина внимательно меня осмотрел, он мне поверил. Но вопросов задавать не стал.

Я забралась на пассажирское сиденье, и мы тронулись. Не умом, конечно — для этого было ещё рано, но если так продолжится, то возможно, вскоре я стану постоянной гостьей какой-нибудь лечебницы для душевнобольных. В общем, агрегат тронулся с места и покатил по дороге.

Дорога до заповедника заняла то же время, что и вчера. Я смотрела в окно на серое небо, мокрые поля и редкие столбы с красными лентами. Сегодня они не казались мне такими страшными, как вчера. Возможно, потому что сами столбы не несли в себе опасности — а вот те, кто за ними... вполне и даже очень.

Не буду вдаваться в подробности нашего родео по заповеднику, но и к нему я уже стала привыкать. Правильно говорят: человек ко всему привыкает. И это я ещё сократила, оставив самую суть.

На станции нас встретила всё та же тишина. Высокая трава, покосившаяся бытовка, накренившаяся вышка. И ангар с замком, который мы так и не смогли вчера открыть.

— Ну что, — сказал Савельич, вылезая из машины, — попробуем ещё раз, — и достал из кузова лопату и монтировку. «Серьёзно подготовился», — подумала я.

Мы подошли к ангару. Перед нами открылась привычная картина: ворота всё так же уходили нижним краем в землю, и замок висел на том же месте.

— Ну что? — спросил он. — Глянем, что там внутри.

И приступил к работе.

Савельич подошёл к воротам, покрутил монтировку в руках, примеряясь, куда лучше вставить. Я отошла на пару шагов — мало ли что отлетит.

— С той стороны, — сказал он, указывая на щель между воротами и косяком, — там замок послабее.

Я кивнула, хотя ничего не понимала в этих делах.

Он вставил монтировку, навалился всем телом. Раздался противный скрежет металла. Замок хрустнул и соскочил.

— Готово, — буркнул Савельич.

Он отбросил монтировку в сторону, достал лопату и начал откапывать нижний край ворот. Земля была сырая, тяжёлая, но он справлялся быстро и без лишних слов.

— Помочь? — спросила я скорее из вежливости.

— Стой, не мешай, — ответил он, даже не обернувшись.

Я и встала, засунув руки в карманы. Смотрела, как он копает, и думала о том, что мне, наверное, стоило бы приехать сюда с кем-то более разговорчивым. Но, с другой стороны, я сама не любила пустых разговоров и попросту уставала от них.

Савельич откопал край, сунул лопату под ворота и нажал. Ворота жалобно скрипнули и приподнялись на пару сантиметров.

— Давай теперь с двух сторон, — сказал он.

Я подошла, взялась за край ворот, и мы одновременно потянули. С третьей попытки ворота подались. Металлический скрежет, который больше напоминал стон, разнёсся по всей станции, и я на мгновение замерла — показалось, что лес ответил тем же. Но нет. Тишина.

Ворота открылись. Внутри было темно, как в склепе — только вместо гробов, по моим убеждениям, нас ожидало ржавое и давно мёртвое оборудование.

— Фонарь? — спросила я.

Савельич похлопал себя по карманам и выудил оттуда старенький аккумуляторный фонарь.

Он щёлкнул кнопкой и направил луч в темноту.

Свет выхватил из темноты горы какого-то хлама. Ржавые бочки, груды проводов, рассыпавшиеся ящики. В углу — что-то вроде старого станка, покрытого паутиной. Воздух внутри был спёртый, пахло сыростью, металлом и ещё чем-то кислым, вьёвшимся в стены.

Я сделала шаг внутрь, но Савельич меня остановил.

— Погоди. Сначала проветрить надо.

Я кивнула, мысленно согласившись с ним — идти туда и дышать этой затхлостью мне и самой не хотелось. Но я сомневалась, что пара минут что-то сильно изменят. Однако спорить не стала, и мы отошли, оставив ворота открытыми.

Внутрь потянуло свежим ветром, и спустя пару минут нашего молчаливого ожидания дышать действительно стало более-менее возможно.

— Ну вот, — сказал он, — теперь заходи.

Я шагнула внутрь. Вблизи хлам выглядел ещё более угрожающе. Бочки проржавели насквозь, провода превратились в труху, ящики рассыпались от одного прикосновения.

— И это оборудование? — спросила я с сомнением.

— А вы что хотели? — Савельич пожал плечами. — Здесь много лет никто не появлялся. Воришки растащили что могли, остальное сгнило.

Как сюда попали эти воришки, я смутно представляла — тоже через все инстанции для пропуска прошли. Я даже мысленно представила эту картину и усмехнулась. Однако я понимала, что где есть хоть что-то ценное и безнадзорное, то обязательно найдётся тот, кто это прикарманит. Возможно, даже те, кто работал на этой станции раньше, тащили всё подряд, что можно продать.

Электричества, разумеется, не было — лампы не горели, щитки давно обесточены. Только фонарь Савельича и мой телефонный фонарь. Генератор, если он и был, давно вывезли или растащили на запчасти — судя по пустому месту в углу, где когда-то стояло что-то большое.

Я подошла к станку, который виднелся в углу. На нём ещё можно было разобрать табличку: «Спектр-М». Кажется, это был какой-то анализатор. Но внутри всё выдрано — одни провода и пустые гнёзда.

— Даже если я захочу всё это описать, мне понадобится не неделя, а месяц, — сказала я скорее себе, чем ему.

— Ваши проблемы, — равнодушно ответил он. — Я только сопровождающий.

— По всей видимости, мы тут надолго, — с горечью вздохнула я.

— Не мы, а вы, — поправил Савельич. — Я в машине подожду.

Он вручил мне фонарь, развернулся и вышел из ангара, даже не обернувшись, оставив меня пребывать одну в лёгком

ступоре и среди ржавого хлама. Ну, так-то он, конечно, был прав: он и не обязан за мной хвостиком по ангару шастать. И это я прекрасно понимала, а потому проглотила только зарождающееся возмущение, вздохнула и начала фотографировать.

Кадр за кадром — бочки, провода, станок, груды неизвестного и неопознанного хлама. Вспышка выхватывала из темноты то ржавую деталь, то обрывок старой изоляции.

Сделав последний снимок, я сунула телефон в карман и направилась к выходу.

В полумраке ангара мои шаги звучали глухо и жутковато. Неприятное чувство, будто кто-то дышит мне в спину, не отпускало.

Выйдя из этого ржавого склепа, я облегчённо выдохнула, но стоило мне сделать пару шагов в сторону машины, как я краем глаза уловила какое-то движение с той стороны. Я замерла.

Сердце пропустило удар, а потом неистово заколотилось в груди.

Я медленно повернула голову в сторону движения, вглядываясь в траву и кусты. Красная лента на столбе висела неподвижно — ветра не было, да и шорох стих. Но взгляд — тот самый, тяжёлый, пристальный — я снова чувствовала. Он давил на плечи и затылок, что почти ощущался на коже, будто оставляя за собой чьи-то колючие следы.

Я не стала больше испытывать судьбу. Развернулась и по-

что побежала к машине, стараясь не смотреть в ту сторону. Савельич стоял, прислонившись к капоту.

Увидев меня, он приподнял бровь и спросил:

— Всё?

— Всё, — ответила я, быстро влезая на пассажирское сиденье и хлопнув дверью, будто это могло меня защитить.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Что случилось?

— Ничего, — соврала я. — Просто показалось, — добавила уже неопределённо.

— Крысы что ли испугалась?

Я неуверенно кивнула, а сама подумала, что лучше бы и правда крысы.

Савельич хмыкнул, покачал головой и посмотрел на меня взглядом, в котором читалась снисходительная усмешка — по отношению к городской девочке, что испугалась маленького грызуна. И больше не говоря ни слова, мужчина пошёл к ангару, закрыл ворота и вернулся.

Я же провела эти минуты в напряжении, то и дело вглядываясь в границу леса, выискивая хоть какое-то движение: шевеление кустов, тень, или блеск чьих-то глаз. Но лес стоял неподвижно, будто затаился.

Мужчина забрался в машину, сел за руль и завёл двигатель.

УАЗик тронулся с места, а я продолжала смотреть в окно. Лес молчал. Только столб с красной лентой мелькнул в

последний раз и скрылся за деревьями. И лишь тогда, когда мы выехали за пределы заповедника, я все же не выдержала и задала вопрос.

— Савельич, — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — а вы... видели тех, кто за лентой?

Он не ответил сразу. Молчал, глядя на дорогу. Потом сказал:

— Не видел и не хочу.

— А вы в них верите? — не унималась я. — Верите в то, что они за красной лентой?

Мужчина пожал плечами.

— Не моё дело — верить или нет. Я границу не нарушаю. И вам не советую.

Я хотела спросить ещё — ведь этот взгляд из леса не давал мне покоя, а ещё тот жуткий силуэт ночью и глаза... Неужели это всё было связано? Я сама в это с трудом верила, но всё же мне так нужны были ответы. Я уже открыла рот, чтобы задать вопрос...

Но он включил радио, будто хотел завершить наш разговор. И мне больше ничего не оставалось, кроме как смотреть в окно и думать о том, что осталось позади — а именно: о тяжёлом, пугающем взгляде из самого леса.

И только одно меня несказанно радовало. Мне больше не нужно было ездить на станцию. Я собрала достаточно материалов для отчёта, и теперь осталось дело за малым — скомпоновать их и отправить комиссии. И я очень сильно наде-

юсь, что этих материалов хватит.

Савельич довез меня до самого отеля.

— Завтра в то же время? — спросил мужчина, выглядывая из окна.

— Нет необходимости, — ответила я. — Я собрала достаточно материалов и буду пару дней работать над отчётом.

Он кивнул.

— Пропуск у вас до конца недели. Если понадобится — знаете, где меня найти.

«Ага, знаю, за синей дверью», — иронично подумала я, но вслух сказала:

— Спасибо.

Машина уехала, а я осталась стоять на тротуаре, глядя на серое небо. По-хорошему нужно было бы поесть, но усталость накатила на меня непреодолимой волной, и я решила подняться в номер и лечь спать.

Поднявшись в свой номер, я плюхнулась на кровать. Стоило только голове коснуться подушки, как я провалилась в тяжёлый сон без сновидений. По ощущениям, я проспала около двух часов, но точнее сказать не могла. И если бы меня не разбудил доносившийся до моих ушей из коридора еле слышно-приторный голос хозяйки, я бы могла поспать и дольше.

По всей видимости, она разговаривала с новым постояльцем и при этом щебетала как хриплый воробей, и даже этот воробей у неё выходил откровенно фальшиво.

Я села на кровать, потёрла лицо руками и попыталась при-

вести мысли в порядок. По-хорошему, нужно было в душ. После сегодняшней тряски, ангарной пыли и бессонной ночи я чувствовала себя персонажем фильма ужасов — не хватало только разодранной одежды и крови на лбу.

Я встала, подошла к зеркалу и замерла.

На меня смотрела героиня «Звонка» — если бы она убрала с лица волосы. Красные глаза, спутанные волосы, бледная кожа с тёмными кругами вокруг глаз. Я выглядела так, будто меня переехало, а потом пережевало каким-нибудь трактором или комбайном.

— Красотка, — прошептала я.

Выйти в коридор в таком виде я была категорически не готова.

До этого проблем с душем у меня не возникало — я жила одна на этаже. Теперь же доступ к душевой комнате, судя по всему, перекрыт. Хозяйка, по всей видимости или слышимости, с новым постояльцем решили что-то обсудить и делали это почему-то у моей комнаты.

Выбора не было — придётся ждать. И чтобы чем-то себя занять, я полезла в чемодан за ноутбуком.

Мой старый, верный боевой товарищ уже дышал на ладан, но функции свои исправно выполнял. Для работы он был мне сейчас необходим, и я бы даже сказала — незаменим, ввиду отсутствия альтернатив. Но посмотреть на нём, к примеру, те же фильмы я не могла. Видеокарта и оперативка раз за разом говорили мне, что это невозможно. А если я всё же

пыталась расширить их возможности, ноут просто помирал и светил на меня укоризненно синим экраном.

Однако сейчас написать на нём отчёт — ну, или хотя бы его начать — я могла спокойно. Конечно, можно было бы и просто отправить фотографии председателю и членам комиссии с заметками, а отчёт подготовить по возвращении на столь «любимую» мною работу. Но смысл тянуть кота за больное... Писать всё равно придётся.

Я открыла ноутбук, перекинула фотографии и начала набирать текст. Слова ложились ровно, без эмоций: состояние станции, ангара, оборудования, отсутствие электричества, следы разграбления. И конечно же — столб с красной лентой, граница, которую пересекать не рекомендуется. Всё чётко и по фактам. Ниже добавила список возможных опасностей, рисков и свои рекомендации.

Отчёт я отправлять не спешила — иначе придётся возвращаться домой, а я бы и рада сбежать отсюда подальше, но, выбирая из двух зол, мне всё же хотелось урвать тишины и покоя в этом странном городке.

К тому моменту, как я закончила, за окном уже вечерело, а голоса за дверью стихли.

Я закрыла ноутбук, потянулась и решила, что пора рискнуть и принять душ.

Я взяла чистые вещи и, стараясь не шуметь, проскользнула по коридору. Дверь душевой была открыта, а сам душ оказался свободен. Я с облегчением вздохнула и вошла внутрь,

закрыв за собой дверь на замок.

Включила воду, проверила температуру — тепло, почти горячо. Наконец-то можно смыть с себя пыль, усталость и ощущение липкого страха, что не отпускало меня со вчерашнего дня.

Вода потекла по плечам, смывая напряжение. Я стояла, закрыв глаза, и старалась ни о чём не думать. Пар наполнил маленькую душевую кабинку, и на какое-то время я почти поверила, что всё в порядке. Что никакого взгляда из леса не было. Что золотые глаза мне просто приснились.

Но стоило закрыть глаза — и вот они снова стояли передо мной.

Я вздохнула, намылила голову и постаралась сосредоточиться на процессе. Шампунь был жидкий, а мыло пахло чем-то нейтральным, хозяйственным — не тем, чем обычно пахнут гостиничные удобства. Впрочем, какая разница.

Когда я выключила воду, тишина оглушила. За дверью — ни звука. Уже хорошо.

Я быстро вытерлась, оделась и осторожно приоткрыла дверь. Коридор был пуст. Я выскользнула из душевой и почти бегом вернулась в свою комнату. Видеть если честно никого не хотелось. Только когда дверь за мной закрылась, я позволила себе расслабиться.

И всё бы хорошо, но в животе заурчало. Ну да, одним завтраком на весь день сыт не будешь. Мой желудок — как вечное недовольный начальник: ему плевать на мои драмы, на

нежелание видеть людей, на взгляды из леса и золотые глаза. Он требовал еды. И прямо сейчас.

Так что выбора у меня особо не было. Вернее, выборто как раз был, и от этого становилось ещё хуже.

Я могла бы пойти в кафе, но для этого нужно выйти на тёмную улицу, а с недавних пор я приобрела боязнь темноты — прямо как в плохом анекдоте про темноту и стоматологов, и мне не хотелось проверять, сколько их там может быть.

Был ещё один вариант, менее жуткий. Я могла бы спуститься на кухню — и кто знает, может, мне повезёт найти что-то съестное, и не придется отбирать крошки у мышей.

Я замерла посреди комнаты. Кухня — всего один пролёт вниз. Хозяйка меня не пугает, а постоялец, скорее всего, у себя в комнате. Чего я, собственно, трясусь?

Я подошла к двери, открыла её и вышла в коридор.

Глава 4. ПОСТОЯЛЕЦ

Я подошла к двери, открыла её и вышла в коридор, спустилась вниз по лестнице и отыскивала нужную дверь.

Кухня была закрыта, хозяйки не наблюдалось, а живот буквально взбунтовал.

У меня просто не осталось выбора. И хотела я того или нет, но на поиски пропитания нужно было выходить на улицу. Конечно, я не горела желанием бродить по темноте, но сейчас-то ещё не совсем темно. На часах было около семи — темнело, но не настолько, чтобы город вымер. Фонари горели, редкие прохожие сновали туда-сюда. К тому же утром я видела недалеко отсюда булочную, и, может, мне повезёт — она ещё открыта и там что-нибудь да осталось.

Я поднялась к себе, накинула куртку, взяла телефон и вышла на улицу.

Всё было не так страшно, как я себе представляла. К моему счастью, булочная была ещё открыта, правда ассортимент уже скудноват. «Растащили», — как сказал бы мой знакомый егерь. И тут я с ним была полностью согласна. Выбрав более-менее свежую и подходящую выпечку к своим вкусам, я расплатилась и вышла из булочной.

Людей становилось всё меньше, но отель был всё ещё в зоне видимости, а потому я решила, что бежать обратно глупо, и вообще подумала о том, чтобы найти аптеку и прибегнуть к

способам современной медицины, а точнее — к лекарственным препаратам. Я не хотела очередную ночь метаться по кровати и всерьёз задумалась о снотворном. Можно было бы и чай с ромашкой прикупить, или успокоительное какое-нибудь, чтобы избежать возможного развития паранойи и, как следствие, доведения её до хронического психоза, который без вмешательства врачей уже не вылечить.

Я достала телефон, искала ближайшие аптеки и, выбрав подходящую — за углом, в нескольких домах отсюда, — направилась к ней. На карте всё было предельно просто, а вот в реальности не совсем. За углом меня ждал высокий металлический забор на замке, перекрывающий путь, и мне необходимо было найти обход. Я крепче прижала к себе бумажный пакет со своим провиантом и направилась вдоль домов, выискивая лазейку.

Побродить мне, конечно, пришлось, но всё же цели я достигла и аптеку всё-таки нашла.

Фармацевт, добрая, но уставшая старушка, на мои пожелания покивала и предложила лекарства, не превышающие мой бюджет. Не знаю, как насчёт препаратов, но цены тут были и чудодейственные, и быстродействующие. Если так стоят все лекарства, то лучше не болеть и лечиться народными методами — подорожником, например, ну или саму ромашку пожевать.

С заметно опустевшим кошельком и потяжелевшими руками ввиду новоприобретённого снадобья я направилась об-

ратно в гостиницу. На улице окончательно стемнело, прохожих не наблюдалось, и мне стало не по себе.

Я обошла здание по тому же маршруту, что и пришла. Фонари горели через один, прохожих не было, и тут меня охватило волнение. Я ускорила шаг, прислушиваясь к звукам, и поняла, что слышу не только свои шаги. И словно в дешёвом триллере, я медленно обернулась. В конце улицы мелькнула тень, а следом выросла фигура. Я не стала дожидаться, когда её обладатель доберётся до меня, и ускорила шаг. Позади меня шаг тоже ускорился. Оборачиваться больше не хотелось, и я практически побежала, смутно разбирая дорогу.

Заметив такую знакомую мне вывеску отеля, я в один миг влетела по лестнице, распахнула дверь и со всей скорости врезалась во что-то мягкое и возмущённо матерящееся.

Подняв глаза, я поняла, что практически сшибла с ног хозяйку. Женщина в удивлении смотрела на меня.

— Что случилось? — спросила она.

— Извините, — выдохнула я. — Там... кто-то... — пыталась я тщетно отдышаться.

Я не успела договорить, как лицо хозяйки преобразилось. Улыбка расплзлась по её лицу, и она уставилась куда-то мне через плечо.

— Добрый вечер, — сказала она с таким придыханием, что напугала меня сильнее, чем та фигура на улице.

Я обернулась посмотреть, кто ж удостоился такой чести, и потеряла дар речи. За моей спиной стояла фигура — та

самая, которую я видела в переулке и от которой так быстро убежала, но видимо не совсем.

— Познакомьтесь, — радостно объявила хозяйка. — Это наш новый постоялец.

Всё, что я смогла из себя выдавить, — это:

— Здрасти.

И, не дожидаясь ответа, поспешила в свою комнату. На крик хозяйки: «Ужинать будете?» — я честно ответила:

— Нет!

А про себя добавила, что уже наелась пережитого ужаса и нахлынувшего стыда.

Я заперлась в номере и всё же решила отправить отчёт, так как подумала, что с меня хватит. Хватит такого гостеприимства, хватит странных взглядов, хватит всего этого города, стены и леса с красными лентами. Я на это не подписывалась.

Я твёрдо решила свалить отсюда подальше, пока это место не свело меня с ума.

Я открыла ноутбук и, не дожидаясь утра, отправила всё комиссии. Фотографии, заметки, список рисков — пусть разбираются сами.

Только когда письмо ушло, я позволила себе расслабиться.

Достала пакет из булочной, съела всё, не чувствуя вкуса. Запила водой. Потом вытряхнула из аптечного пакета снотворное и успокоительное, проглотила по таблетке и рухнула

на кровать с мыслью, что уже завтра отсюда уеду и больше никогда не вернусь.

Сон пришёл почти сразу — глухой, как провал.

Утро началось с привычной долбежки в дверь.

— Завтрак! — донёсся до меня бодрый голос хозяйки, будто она зарядилась энергией от всех розеток разом в этом гостеприимном месте.

«Да-да, завтрак...» — сонно пробормотала я, пытаюсь разлепить веки. Ощущение такое, будто их залили свинцом. Голова гудела, тело не слушалось, но желудок напомнил о себе настойчиво, требуя своё. И это не удивительно, в последнее время я плохо ела, если вчерашнюю трапезу вообще можно было назвать полноценной едой.

При мысли о вчерашней еде, память услужливо подкинула мне события вчерашнего вечера... И спускаться на завтрак как-то моментально расхотелось. Последний раз я так опозорилась... да никогда. Взрослая, рассудительная в недалёком прошлом, а сейчас, судя по всему, просто «недалёкая» девушка, бегущая от того, кто просто шёл следом... Даже думать не хотелось, что тот новый постоялец обо мне подумал. Наверняка — что я городская сумасшедшая, которая шарается от прохожих и любит влетать в дверь.

Я вздохнула и села на кровати, думая о том, что сегодня всё будет иначе. Никаких станций, никаких столбов. Этот кошмар совсем скоро закончится, мне только осталось дождаться ответа от председателя — и можно паковать чемо-

дан, который я, впрочем, и не разбирала.

Я кое-как поднялась, оделась и спустилась к столовой, но, подойдя к двери, замерла.

За столом уже сидел он. Новый постоялец.

Высокий, широкоплечий, с тёмными, слегка отросшими волосами, небрежно спадавшими на лоб. На нём была простая серая футболка — лаконичная, без принтов и надписей, — и, судя по всему, тёмные джинсы: из-за стола мне было трудно рассмотреть детали, но силуэт угадывался чётко.

Футболка, казалось, едва сдерживала рельеф плеч и рук: ткань натягивалась на бицепсах, подчёркивала ширину плеч, не крича об этом, а словно бы невзначай — будто её обладатель вовсе не заботился о производимом впечатлении. Но именно эта естественность, лишённая нарочитой демонстрации силы, делала образ особенно выразительным, и это, судя по всему, приводило хозяйку нашего временного пристанища в невероятный восторг — она то и дело поглядывала на него с каким-то плотоядным интересом.

Я замерла в нерешительности ещё не переступив порог. В какой-то момент мне показалось, что я тут лишняя, и я уже обдумывала, как незаметно вернуться в номер, но не успела.

Мужчина поднял на меня глаза. И эти глаза, казалось, прожигали насквозь. Карие, глубокие, с мелкими вкраплениями янтаря. Сомневаюсь, что я смогла бы долго выдержать такой взгляд.

Вчера в темноте я его не разглядела — мне было слишком

стыдно, ну а сейчас стояла как вкопанная и откровенно пялилась на него.

— Доброе утро, — сказал он низким голосом. И было в этом голосе что-то, чего я не смогла разобрать. Мужчина внешне был собран и спокоен, но мне почему-то казалось, что это не так.

Хозяйка суежилась рядом, стараясь привлечь его внимание — предлагала подлить ещё кофе или сделать бутерброд. Не буду опешлять, но думаю, она хотела бы и даже могла предложить ему больше, гораздо больше, что-то сделать, чем просто хлеб с маслом и куском сыра.

— Доброе, — ответила я и села за стол как можно дальше.

Не то чтобы я его боялась, просто этот взгляд, да и он сам меня слегка насторожил. Думаю, увидь я его при свете дня, тоже дала бы дёру. Нет, он не урод, но и на обложку глянца не претендует. Внешне он, возможно, и красив, но этот взгляд — тяжёлый, изучающий — никак не давал мне покоя. В голове сразу всплывали картинки той ночи и ощущения от того взгляда в лесу, но делать поспешные выводы я больше не собиралась. Людей с тяжёлым взглядом в мире предостаточно, а я и так уже совсем не дружу с головой, раз вижу опасность там, где её нет.

Хозяйка поставила передо мной тарелку каши.

— Ешьте, — сказала она мне менее дружелюбно, чем говорила с ним. Я мысленно усмехнулась и подумала, что ей бояться нечего — тут я ей не конкурент. И дело было не в

моём внешнем потрёпанном виде, а скорее в отсутствии желания связываться с ним.

Мы сидели за одним столом, но, между нами, будто пролегла невидимая стена. Я уткнулась в тарелку, а он — в меня. Хозяйка наконец оставила нас в покое, видимо поняла, что этот раунд она не возьмёт, но её томный взгляд я ещё долго чувствовала спиной.

Я посмотрела в окно — серое небо, низкое, тяжёлое, будто давило на крыши домов. В столовой было тихо, и только на кухне монотонно капала вода. Будто кто-то нарочно считал мои последние капли терпения. «Сколько ещё я смогу здесь выдержать?» — подумала я.

— Вы давно в городе? — спросил он негромко, но для меня неожиданно, и я вздрогнула.

— Несколько дней, — ответила я, не поднимая головы и всячески делая вид, что мне сейчас куда интереснее то месиво в тарелке, что хозяйка нарекла кашей. Я бездумно водила ложкой по поверхности, стараясь не замечать пристального взгляда напротив.

Пауза затянулась. Я слышала, как за окном прошелестел порыв ветра, заставив жалобно отозваться карниз. Звук получился резким, почти пугающим — и на мгновение отвлек меня от тягостного ощущения, что он изучает каждое моё движение.

— И как вам здесь? — продолжил он всё так же тихо, но теперь в его голосе послышался едва уловимый интерес.

— Нормально, — сказала я, переводя взгляд на скатерть и разглядывая разводы на ней.

Нормально — пустое, бессмысленное слово. Оно не передавало ни гнетущей тишины улиц, ни ощущения слезки, ни тревоги, что поселилась во мне с первого дня. Но говорить об этом вслух я не собиралась.

Он хмыкнул, и я не поняла — то ли он так усмехнулся, то ли подавил смешок.

Звук получился коротким, сухим, будто он на мгновение потерял самообладание, но тут же взял себя в руки.

Я подняла глаза, но тут же столкнулась с его взглядом — таким странным и глубоким. Он смотрел на меня так будто знает что-то, что было не известно мне.

— «Нормально», — повторил он тихо, почти шёпотом, и в этом слове прозвучало столько оттенков, что оно вдруг обрело вес и объём.

Мне стало неудобно.захотелось встать и уйти, но что-то удерживало меня на стуле — не физическая сила, а скорее внутреннее сопротивление, нежелание прерывать этот непонятный мне диалог... и любопытство, конечно же. Оно, вопреки тревоге, подталкивало остаться, выслушать и разгадать.

Я помолчала, глядя в свою тарелку, не решаясь снова поднять глаза. Каша давно остыла, а тишина затягивалась, и с каждой секундой она становилась всё тяжелее и весомее.

— А вы? — решила я задать вопрос, мне вдруг стало

интересно кто он такой и что делает в этом городе. — Вы здесь проездом?

Он слегка откинулся на спинку стула, задумчиво провёл пальцем по краю чашки. Несколько секунд молчал, словно взвешивая, сколько правды может позволить себе сказать.

— Можно и так сказать, — его голос оставался ровным, почти безразличным.

Я ждала продолжения, но он молчал. «Может, он тоже егерь?» — иронично подумала я, но сдаваться не собиралась.

— Вы здесь на долго? — снова спросила я.

Он медлил с ответом.

— Не знаю. Как пойдёт. — наконец произнёс он и снова обжёг меня пронзительным взглядом — таким острым, будто он видел не просто моё лицо, а всё, что творилось у меня внутри.

Я невольно нахмурилась. Его уклончивость, как и взгляд начинали раздражать — будто он нарочно дразнил меня, оставляя на краю понимания. А потому, что и куда у него там пойдёт, я спрашивать не стала — бесполезно. Вытягивать из него ответы словно клещами я не собиралась, и просто кивнула, продолжив ковырять ложкой кашу.

— Вы здесь по работе? — опять неожиданно спросил он меня.

И снова этот взгляд. Тяжёлый, немигающий.

— Да, — коротко ответила я и отодвинула от себя недоёденную кашу. От такого взгляда комок в горло не лез, а учи-

тывая, что моя каша состояла из одних комочков, жевать её не хотелось совсем. И я решила больше ей не давиться, а попытать счастья в булочной.

Он проследил за моим движением — как я отодвигаю тарелку, как машинально разглаживаю складку на скатерти. В его глазах мелькнуло что-то: то ли интерес, то ли лёгкая насмешка.

— И чем же вы занимаетесь? — спросил он, не меняя тона — всё так же ровно, будто задавал вопрос из вежливости, а не из настоящего любопытства.

Мне хотелось ответить, что занимаюсь я какой-то... бессмысленной работой, хотя на языке вертелось слово поменьше и более весомое. Но я сдержалась. Вместо этого пожала плечами и слегка улыбнулась — нарочито беззаботно, решив сыграть по его правилам.

— Работой — ответила я, встав из-за стола, и, не оборачиваясь, вышла из столовой, оставив за спиной тишину и его нечитаемый взгляд.

Этот мужчина казался мне странным, и это вызывало во мне смешанные чувства. Любопытство, настороженность, тревогу. В его взгляде было что-то такое, от чего по спине пробегал холодок, а по телу мурашки, будто он уже знал обо мне больше, чем следовало. И только когда я поднялась к себе, я поняла, что не спросила главного — его имени. Хотя, возможно, мне и не стоит его знать.

Я подошла к окну. За стеклом всё та же серость и низ-

кое небо. Где-то вдалеке хлопнула калитка, раздался детский смех.

Смысл спрашивать, если при благоприятном раскладе уже завтра я покину это место? И я решила просто-напросто на всё это забить и не заморачиваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.